

I
**ФИЛОСОФСКИЙ СУФИЗМ:
ИБН АЛ-‘АРАБИ И ЕГО ШКОЛА**

*

**SUFISM AND ‘IRFAN:
IBN AL-‘ARABI AND HIS SCHOOL**

Сеййид Джалал ад-Дин Аштийани
(*Меихедский университет, Иран*)

**«ПЕЧАТЬ СВЯТОСТИ»
В МЫСЛИ ИБН АЛ-‘АРАБИ¹**

Эта статья представляет собой развернутый ответ на заданный автору вопрос относительно «печати святости» (*х̄атм-и валāйат*): кто, по мнению Величайшего Шейха, является этой печатью — ‘Али, ожидаемый Мехди, Иисус сын Марии или же сам шейх (как полагает Муаййад ад-Дин Джанди)?

Следует сказать, что высказывания шейха на сей счет иногда неопределенны и неоднозначны, а иногда могут быть отнесены одновременно к ‘Али, Мехди и Иисусу. Однако путем размышления и внимательного рассмотрения различных его высказываний можно прийти к выводу, что, после заката солнца пророчества, печать неограниченной Мухаммадовой святости восходит, с точки зрения чина, в нише ‘Али бен Абу Талиба и завершается, с точки зрения времени, ожидаемым Мехди. Иисус, в свою очередь, является печатью общей святости, унаследованной от предшествовавших ему пророков, — следовательно, когда шейх называет его «печатью неограниченной святости» (*х̄атм-и валāйат-и мутлақа*), то под «неограниченностью» (*итлāқ*) он имеет в виду всеобщность (‘умӯм), противопоставляя эту общую святость особой Мухаммадовой святости, унаследованной от неограниченной печати святых, то есть тонкой сущности печати пророков. Ведь его высочество Мухаммад, подобно тому как он является печатью пророков,

¹ Перевод выполнен по изданию: Аштийани С. Дж. *Хатм-и валāйат дар андīша-и Ибн ‘Араби* // Кейхāн-и андīша. № 26, с. 100–110.

также является печатью святых, и его святость представляет собой сферу, охватывающую все святости. Волей-неволей печатью Мухаммадовой святости должен быть один из наследников, из общины Мухаммада, назначенный им самим.

Согласно Ибн ал-‘Араби, ‘Али является величайшей печатью, Мехди — великой печатью, Иисус — малой печатью и он сам — меньшей печатью, но имеется в виду общая святость, а не святость, унаследованная от печати Мухаммадовой святости.

Святость его высочества Повелителя верующих (‘Али бен Абу Талиба) и одного из рода Пророка в каждую эпоху является солнечной святостью, а святость святых из общины Мухаммада является лунной или звездной святостью. Если святость самой печати пророчества Мухаммада считать солнечной святостью, то святость наследников его состояний, знаний и стоянок — лунная святость, а святость знающих из его общины — звездная святость.

‘Абд ар-Рахман Джами, знающий и установитель истины, в своем комментарии к гемме мудрости Сифа² говорит: «Знай, что из слов Муаййад ад-Дина Джанди следует, что под „печатью святых“ шейх имеет в виду самого себя, и в этом нет сомнений, о чем свидетельствуют его слова в „Мекканских откровениях“». Шараф ад-Дин Давуд Кайсари допускает, что под печатью святых Ибн ал-‘Араби имеет в виду Иисуса, ссылаясь на то, что в «Мекканских откровениях» он называет себя печатью неограниченной святости. Шейх Камал ад-Дин ‘Абд ар-Раззак Кашани, в свою очередь, полагает, что печать святых — не кто иной, как Мехди, однако Кайсари отрицает релевантность приводимой последним цитаты из «Мекканских откровений»³. Шейх Садр ад-Дин Кунави в своем комментарии к суре *ал-Фātiḫа* говорит, что Бог завершил наместничество, явленное в общине Пророка, Мехди, а неограниченное наместничество — Иисусом. По его утверждению, печать Мухаммадовой святости представляет собой перешеек (*барзах*) (т.е. границу или пограничную область. — *Пер.*) между самостью и божественностью.

Под этим, как я предполагаю, он имеет в виду, что перешеек между необходимостью и возможностью, тождественный перешейку между самостью и стоянкой Сокрытого Сокрытого, с одной стороны, и божественностью — с другой, является вотчиной печати особой Мухаммадовой святости, референтом которой, с точки зрения времени, является ожидаемый Мехди, а с точки зрения чина — ‘Али.

² ‘Абд ар-Раḫmān ал-Джāmī. Шарḫ фуṣṣ ал-ḫикам. Стамбул (литографическое издание), [б.г.]. С. 91.

³ Прав в данном случае Кашани, как свидетельствуют об этом собственные слова шейха. Ни Кайсари, ни Джами не знали об этих его словах — или если знали, то, ввиду своего крайне пристрастного отношения, притворились, что не знают о них.

Это мое предположение подтверждается тем, что в «Раскрытии тайн» (*Фукук ал-асрар*) (в главе, в которой разбирается тайна Аарона) Садр ад-Дин Кунави утверждает, что Мехди является наместником Бога и обладателем неограниченной святости, унаследованной от печати пророков, и что он пребывает на стоянке перешейка, особо отнесенной к печати пророков, и является наследником состояний, стоянок и знаний последнего, тогда как Иисус не является осуществителем великого перешейка и обладателем стоянки «или ближе» (53:9).

Под неограниченным наместничеством, сопряженным с Иисусом, имеется в виду то самое общее наместничество, которое Иисус унаследовал от бывших до него пророков; при этом отнюдь не утверждается, что он является наследником особой Мухаммадовой святости.

В свою очередь, когда речь идет о печати наместничества, явленной в общине Мухаммада, то под этим Кунави имеет в виду, что Мехди является печатью наместничества, явленного в этой общине, и что его наместничество подтверждено словом Пророка: «Воистину, наместник Божий наполнит землю справедливостью и правосудием...» Он — святой, распоряжающийся как во внутреннем, так и во внешнем, носитель упроченности (*тамкин*) и пророческого призыва. Доказательством тому, что Мухаммад Мехди соединяет в себе внешнее и внутреннее наместничество, являются следующие слова Кунави:

«Примером предстоятельства (*имāма*) без посредника является то предстоятельство, о котором говорится в Его словах: „Воистину, Я сделал тебя предстоятелем людей“ (2:118), а примером предстоятельства через посредника служит назначение Моисеем Аарона наместником в его племени, [выраженное в словах: „Будь моим наместником в моем племени и улаживай дела!“ (7:142)], и утверждаемое относительно Абу Бакра, что он является наместником Посланника. И все это отличается от наместничества Мехди. Посланник не отнес его наместничество к себе, а назвал его наместником Бога... который наполнит землю справедливостью и правосудием, после того как она наполнилась несправедливостью и насилием. Он сообщил о всеобщности его наместничества и его приговора. Следовательно, Мехди — наместник Бога, назначенный Им без посредника»⁴.

Одним из свойств обладателя неограниченной святости является распоряжение во внутреннем и внешнем. В отличие от наместничества наместника и святости святого, распоряжающегося во внешнем, требующих по необходимости назначения [со стороны Пророка], святость распоряжающегося во внутреннем не нуждается в подтверждении со стороны последнего,

⁴ Садр ад-Дин ал-Кунави. Ал-Фукук фи асрар мустанадат хикам ал-Фусус. Ред. М. Хаджави. Техран: Мавла, 1371 с.х. С. 301–302.

ибо Бог языком Своего посланника сообщил, что «у Бога есть наместник, именуемый моим именем и прозываемый моим прозвищем, обладатель достохвальной стоянки».

Достохвальная стоянка есть стоянка «или ближе» (53:9). Обладатель этой стоянки достоин быть первым перешейком (= пределом) между самостью и стоянкой божественности. Обладатели неограниченной святости являются местами проявления имени самости Бога — а не [имен] Его атрибутов, как это известно знатокам их терминологии.

* * *

Некоторые комментаторы «Гемм мудрости», из числа последователей Ибн ал-‘Араби, считали его «неограниченной (= абсолютной) печатью святых» и наговорили о нем многое, однако постепенно разум взял верх над чувствами, и вслед за самим Ибн ал-‘Араби, искреннейшим другом рода [Пророка] и обладателем Мухаммадовой святости, [его последователи] признали его малой печатью и обладателем ограниченной святости, подчиняющимся власти неограниченной святости ‘Али и Мехди, одновременно подчеркивая, что он обладает высокой и превознесенной стоянкой и что никто, равный ему, не явился до нашего времени.

С точки зрения внешнего закона он — ханафит, а с точки зрения внутреннего убеждения он — преданнейший последователь и почитатель рода Пророка и людей его дома. Если бы он получил доступ к преданиям людей дома Пророка относительно основ [фикха (?)], положений [вероучения], этики и толкований Корана, то, несомненно, признал бы, что дверью знания, помогающего истолковать потаенные и сокрытые истины, являются изречения имамов.

* * *

В гемме Сифа Ибн ал-‘Араби рассматривает некоторые проблемы с позиций шиитского гносиса. Согласно ему, гносис и суфизм зиждутся на двух ключевых опорах — единении (или единобожии. — *Пер.*) (*тавхїд*) и святости (или [Божьей] дружбе. — *Пер.*) (*валāйа*). В своем подлинном смысле, о котором обладатели знания высказали самые возвышенные мысли, единение есть стезя людей дома, а обладатель святости ‘Али Муртаза является предводителем устанавливающих истинную сущность единения.

Место проявления Истинного на стоянке Его самораскрытия и проявления на ступенях и местах проявления бытия — точнее говоря, бытие Истинного местом проявления на стоянке приятия самораскрытия и проявления всех божественных имен, как целокупных, так и частных, появившихся вследствие соития целокупных имен и «матерей имен», как нечто коренное соотносится исключительно с Мухаммадовой истиной и Ахмадовой объективированной сущностью, а как нечто унаследованное — с наследниками

стоянок, состояний и знаний Пророка, то есть с непорочным родом и с великими из его дома. Исследование преданий об угодниках и изречений и молитв, дошедших до нас от Мухаммадовых святых, а также тщательное рассмотрение возвышенных положений, описанных в книгах великих суфиев, не оставляют об этом никаких сомнений.

С огромным сожалением я должен сказать, что одни полагают, что, отвергая науку единения и святости, они защищают ислам, а другие — что таким образом они защищают шиизм. Тем самым они внутренне наносят удар по обладателям целокупной святости и иногда жертвуют философами и гностиками в угоду недостойным увещателям и проповедникам, а иногда считают проявление враждебности по отношению к старцам науки единения сопутствующим свойством и гранью личности выдающегося факиха.

* * *

Лучший комментарий к «Основам достаточного» написал Мулла Садр. Этот философ и мистик пешком совершил несколько паломничеств в Мекку, и глубину его постижения истины служения нельзя отрицать. Но, не взирая на это, некий мухаддис, говоря об «Основных достаточного» Кулини, утверждает: «Первым, кто истолковал эту книгу в духе неверия, был Садр ад-Дин Ширази», а о Мирзе Ибрахиме, сыне Муллы Садры, говорит, что «из мертвого явился живой».

Если эти невежды, лишённые чувства религиозной ответственности, выражают такое презрение по отношению к благочестивому философу и мистiku и обладателю сердца, которому нет подобных (или, во всяком случае, подобных которому мало) среди мыслителей и исследователей, то какого же отзыва можно ожидать от них об Ибн ал-‘Араби и Руми, бывших суннитами?

Для того чтобы верно понять предания людей дома Пророка и толкования искомого, принадлежащие наследникам знания, недостаточно погрузиться в божественную мудрость и усвоить принципы рационального анализа — право говорить об этом должно быть предоставлено, прежде всего, удостоившемуся раскрытия (*кашф*) мистiku, усвоившему теоретические положения, а не теологу, знатоку хадисов и правоведа⁵.

⁵ В течение последних веков обучение в шиитских медресе свелось к изучению основ правоведения и юриспруденции, которые являются лишь предпосылками для действия, однако действие без знания есть «рассыпанный прах» (25:23). Опровержения суннитскими и шиитскими улемами философских и гностических воззрений полны опровергивающих высказываний, вздора и иллюзорных представлений и свидетельствуют о глубине их невежества. Истинная цель этих опровержений — привлечь к себе внимание толпы, или, говоря словами Хваджи [Насир ад-Дина Туси], «приблизиться к невеждам».

Толкование благородного Корана, основными опорами которого являются познание истины, наука об именах Бога, наука о пророчестве и святости, эсхатология, этика и наука о происхождении людского рода и появлении среди него пророков, познание по-

* * *

Но мы говорили о познании печати пророков и печати святых и о том, какие особенности присущи этим двум совершенным местам проявления всей совокупности имен, но отсутствуют в других святых и пророках. Здесь важно упомянуть о том, что аспект пророчества во всяком пророке есть аспект тварности, а духом этого аспекта является святость. Чем обширнее сфера святости того или другого пророка по отношению к святости других пророков, тем шире аспект его пророчества и тем выше ступень его пророчества, ибо святой, который становится наследником пророка, чья святость шире, чем святость других пророков, превосходит пророка, которого он превзошел с точки зрения широты святости.

По этой причине Мухаммадовы святые, которые являются печатями Мухаммадовой святости и чья святость неограниченна, превосходят пророков, предшествовавших прибежищу посланничества (Мухаммаду). Устанавливающие истину суфии и мистики придерживаются этого мнения, и их познания в этом вопросе не зиждутся на простом почитании авторитета — напротив, они сами устанавливают истинность этого ключевого положения посредством свидетельствования, следуя преданиям пророков и святых.

В своей бесподобной книге «Геммы мудрости», в гемме Сифа, великий шейх говорит:

«Этим знанием обладает только печать посланников и печать святых, и никто из пророков и посланников не видит (читай: не получает. — *Пер.*) его иначе, кроме как с ниши печати посланников, и никто из святых не видит его иначе, кроме как с ниши печати святых; и даже посланники не видят его — когда они его видят — иначе, кроме как с ниши печати святых...»⁶.

Непосредственно перед приведенным отрывком шейх разбирает тайну отмеривания (или постепенного осуществления. — *Пер.*) (*қадар*) [божественного приговора]. Под «отмериванием» он здесь имеет в виду мир отме-

сланничества пророков и обладателей твердой решимости (*'азм*), а также познание особенностей Печати и наследников ее знания, стоянок и состояний, зиждется на подробном исследовании преданий, дошедших к нам от пророков и святых и касающихся основных положений и знаний Корана. Правоведение и его основы, а также то, что является вступлением к нему, как предмет и цель, а также с точки зрения рассматриваемых им проблем и начал, вторично, а науки единения, пророчества и восстановления, этика и наука об именах Божьих (которая и является фундаментом и основой знания об Истинном, знания о восстановлении и других упомянутых в Коране наук) в любом аспекте превосходят остальные науки.

⁶ *Ибн ал-'Араби*. Фуṣṣ ал-хикам. Ред. А. 'Афифи. Техрāн: аз-Захрā, 1370 с.х. С. 62. (Реprint издания: Байрūt: Дār ал-кутуб ал-'араби, 1946.) Ср. перевод А.В. Смирнова: *Смирнов А.В.* Великий шейх суфизма: опыт парадигматического анализа философии Ибн Араби. М.: Восточная литература, 1993. С. 158.

ривания, принадлежащий ко второй объективации и ступени дифференцированного единства, называемый также миром первопыли и миром естества. В нашем имамитском предании люди дома не единожды указывают на этот мир, и он называется также миром теней, по той причине, что объективированные сущности, следующие бытию или проявлению имен и атрибутов, упрочены в местопребывании божественности.

У Джа'фара ас-Садика спросили: «Как вы существовали в мире теней?»⁷. Термин «тени» (*азилла*) характерен для людей дома, и те, кто обладают обширными познаниями о преданиях о познаниях, поймут, на что я намекаю.

Имам Джа'фар ответил: «Мы были очертаниями света», тем способом, который был упомянут выше. В некоторых местах говорится [более подробно] о проявлении объективированных сущностей имамов в мире могущества как о мире света и об этих объективированных сущностях как о светах (свете Мухаммада, Фатимы и 'Али); в других местах приводятся имена пяти людей накидки и обладателей самостной чистоты и непорочности. Среди простолудинов (читай: суннитов. — *Пер.*) также встречаются предания о светах людей дома Пророка и истинном утверждении их объективированных сущностей до бытия мира и человека.

Повелитель верующих ['Али] приподнял завесу с тайны отмеривания и сказал: «Знание о ней присуще исключительно единому Богу и одному единственному [знающему]. То есть в каждую эпоху один из обладателей целокупной святости, чьей печатью является Мехди, ведает тайны отмеривания. Так как сам шейх-раскрыватель проявляет осведомленность об этой тайне, то он, несомненно, свидетельствовал объективированные сущности в присутствии могущества в аспекте их отмеренного бытия, в виде пылинок.

Смысл вышеприведенных слов шейха заключается в том, что охватить все общие и частные стоянки, начиная с первой и второй объективации и кончая последним нисходящим странствием бытия, то есть миром свидетельствования и низшей ступенью отмеривания, охватываемой перешеечным приговором (*кад̄ā-и барзах̄и*) (который сам есть отмеривание по отно-

⁷ У этого имама также спросили: «Является ли тень чем-то?» Он ответил: «Взгляни на свою тень: она вещь, и одновременно — не вещь». Из этого короткого выражения можно вывести общее положение единения, а именно установить, что возможные истины суть тени истинного бытия. Простираение тени, [о котором говорится в Коране], есть не что иное, как истинное осуществление протяжения возможного бытия, проявленного проявлением и самораскрытием солнца солнц мира бытия.

«Разве ты не видишь, как твой Господь простирает тень — а если бы Он захотел, то сделал бы ее покоящейся» (25:45). В стихе тень внешнего солнца уподобляется солнцу мира бытия, и недвусмысленно заявлено: «Затем Он делает солнце указателем на Себя». Если извлечение продуктивных положений, содержащихся в предании и коранических стихах, не является толкованием, то как может быть признано состоятельным толкование согласно собственному мнению.

шению к приговору на стоянке могущества), под силу только печати пророков и печати святых — последним же, согласно однозначному утверждению шейха, после заката солнца святости, с точки зрения своего чина, является ‘Али бен Абу Талиб, тогда как, с точки зрения времени, Мухаммад Мехди является хозяином настоящей эпохи и времени.

Следует обратить внимание на то, что святой, обладающий упроченностью и призывом Мухаммадова пророчества с точки зрения своего странствия и проявления во всех вещах и истинного осуществления стоянки «или ближе», является местом проявления «того, кого одно дело не отрывает от другого» и ведает о всех стоянках. Мы здесь излагаем это важное положение сжато, оставляя подробное его рассмотрение для вступления к комментарию Кайсари к «Геммам», которое мы намереваемся вскоре опубликовать вместе с глоссами учителя наших учителей Мухаммада Реза Исфахани и некоторых из его учеников, а также с дополнениями предводителя факихов и гностиков имама Хомейни⁸.

⁸ Примечание Ага Мухаммада Реза Кумша’и к тому месту «Гемм», где шейх утверждает, что знание о ступенях и степенях бытия и полное постижение тайны отмеривания даны исключительно печати пророков и печати святых, свидетельствует, что он является одним из величайших знатоков Ибн ал-‘Араби на протяжении многих веков. Кумша’и прекрасно объясняет смысл слов шейха и блестяще разбирает комментарий Кайсари, исследуя вопросы таким образом, что искушенный в этой области человек отчетливо осознает, что если бы этот иранский гностик создал свое толкование «Гемм», то оно ничем не уступало бы лучшим комментариям к этой книге. При этом следует учесть, что он считается авторитетным знатоком разных философских школ и, в частности, в своем веке не имеет себе равного в познаниях в теоретическом мистицизме, перипатетизме и трансцендентной философии, а также является искусным и опытным исследователем во всех этих областях.

Кроме того, его можно назвать авторитетным знатоком практического мистицизма. После переезда в Тегеран он обосновался в медресе Садра, расположенной перед гостиницей мечети Султана, известной также под названием мечеть Шаха. Большую часть года он постился, а ночами бодрствовал. Он постоянно поминал Бога, и часто на его светлом лице были видны следы состояний божественного притяжения (= экстаза). Он довольствовался очень скромным доходом. Этого великого мужа по-настоящему знали лишь небольшое число избранных учеников и ученых.

Со слов ученика Кумша’и Ага Мирза Хашима покойный Ага Мирза Ахмад Аштиани передавал, что, когда Кумша’и был в подходящем расположении духа, он настолько искусно излагал «Геммы» и «Ключ сокрытого» (*Мифтāх ал-зайб*), что мы изумлялись широте и силе его мысли и изящности изложения, и он разбирал эти возвышенные научные книги таким образом, что мы не нуждались в использовании написанных к ним комментариев.

Поскольку Сайид Хейдар Амули, хотя он и был великим мистиком, был лишен той силы и выучки, которой обладал Мухаммад Реза, он не смог доказать ошибочность утверждений Кайсари при помощи слов самого Ибн ал-‘Араби, поэтому он вступил в спор с шейхом и приписал ему противоречия, в действительности не имеющие места.

В древних семинариях процветали разные виды и отрасли наук. При этом науке единения, божественной философии и гносису отводилось особое место. В медресе и теоло-

* * *

Величайший учитель Ибн ал-‘Араби в гемме Сифа далее говорит:

«Посланничество и пророчество... прекращаются; святость же не прекращается никогда. И даже посланники, с точки зрения их бытия святыми, не видят то, о чем мы упомянули, иначе, кроме как с ниши печати святых — что же сказать тогда об остальных святых...»⁹.

Все пророки без исключения, со времен Адама и до последнего пророка, получают пользу от ниши печати пророков, хотя его бытие в этом мире отстает от умственного осуществления его бытия в мире мощи и перешейка. Ведь печать пророков, благодаря определяющему пророчеству (*нубуват-и та‘рифий*) и обилию пользы, на стоянке самораскрытия Истинного [в аспекте (?)] Мухаммадовой истины описана великим именем Бога, тогда как все другие пророки и святые являются ее частями, а имена, господствующие в некоторых возможных местах проявления, являются сопутствующими великого пророческого имени. Постольку печать пророков по смыслу едина с печатью святости, последняя тоже обладает этой ступенью, и такие хадисы, как «я был пророком тогда, когда Адам пребывал между глиной и водой» и «мы — последние и опережающие», указывают на определяющее пророчество. Поэтому можно утверждать, что слова «я был пророком тогда, когда Адам пребывал между глиной и водой» верны также по отношению к печати святых и что печать святых в аспекте своего светового и умственного бытия истинно осуществлена до ниспослания пользы на тварные места проявления, мир свидетельства и обитель перемены и испытания воздействия.

* * *

Знатоки Ибн ал-‘Араби расходятся в своих мнениях о том, кого именно шейх имеет в виду под печатью святых. Хотя они признают наследниками внутренних стоянок, состояний и знаний печати пророков чистый род пророка Мухаммада, в этом вопросе они либо проявляют пристрастие, либо следуют вымыслам мухаддисов и ашаритских факихов, которые, призна-

гических семинариях обитали и преподавали величайшие поэты и писатели, выдающиеся экзегеты, прославленные историки, великие математики и астрономы. Юриспруденция и ее основы занимали в них особое положение. Однако если ограничить преподавание и обучение в семинарии только юриспруденцией и ее основами, то оно напрочь лишится аромата науки единения и в преподавании основных положений юриспруденции и догматов веры не будет присутствовать ни экзегетика, ни наука об именах Бога, ни хадисоведение. Результатом такого преподавания станет упущение из виду основ и уделение чрезмерного внимания ответвлениям. В итоге правдивость весов поступков и полюса полюсов врат града пророческого знания подвергнется сомнению, а брешь в догматах и основах станет очевидной для всех.

⁹ *Ибн ал-‘Араби*. Фусу‘с, с. 62. Ср. перевод А.В. Смирнова: *Смирнов*. Великий шейх суфизма, с. 158.

вая, что предания о предводителе людей единения неисчислимы, одновременно утверждают, что, согласно мнению благочестивых предшественников, праведные халифы имеют превосходство друг перед другом. Таким образом, Абу Бакр стоит на первой ступени, ‘Умар — на второй, ‘Усман — на третьей, а ‘Али — на четвертой.

Об этих благочестивых предшественниках было сказано много, и мы рассмотрели и подвергли критике мнение Абу Хамида Газали на сей счет, выраженное им в «Чаше простолюдина» (*ал-Джам ал-‘аввām*), в отдельной статье.

Здесь же важно попытаться установить, кто, по мнению шейха, является печатью святых. Считает ли он таковым самого себя? Такое притязание с его стороны маловероятно — оно скорее похоже на слова безумца, и нельзя поверить, что шейх всерьез полагает, что он пользуется бытием всех пророков и святых.

Он не считает печатью и Иисуса, ибо последний стоит двумя ступенями ниже стоянки особой печати Мухаммадовой святости. Вышеупомянутая стоянка же является одной из стоянок обладателя стоянки «или ближе» и одной из ступеней обладателя ступени пресовершенства-*акмалиййат*, очищения и аналогической градации-*ташкйк*, благие качества которого неисчислимы.

Сам шейх в «Мекканских откровениях» определяет печать Мухаммадовой святости следующим образом: «И когда Бог захотел бытия мира и положил ему начало, согласно мере Своего знания о Самом Себе... Он самораскрылся посредством Своего света... и ни одно приемлющее не оказалось к Нему ближе, чем Мухаммадова истина, поэтому она стала начинателем мира в его полноте. Первое, что было явлено в бытии, и ближайший из людей к ней — ‘Али бен Абу Талиб, предстоятель мира и сокровенная тайна всех пророков...»¹⁰

Иисус является звеном цепи совершенных пророков и частью мира бытия. Следовательно, ‘Али является его предстоятелем, и Истинный сотворил алийскую истину Иисуса в аспекте Своего самораскрытия посредством совокупного имени «Бог»¹¹. Иисус есть форма и внешний вид, а ‘Али — царствие, внутренняя суть, дух и смысл.

Я не знаю, на что в этом мире ты похож.

Мир и все, что в нем, есть форма, а ты — душа.

Влюбленные влезают в твою петлю по своей доброй воле.

¹⁰ *Ибн ал-‘Арабий*. Ал-Фулḡхāt ал-маккийя. Ал-Қахира: Булақ, [б.г.], т. 1, гл. 6, с. 119.

¹¹ Следует иметь в виду, что объективированные сущности Иисуса, Моисея, Авраама, Ноя и других пророков суть части и толики объективированной сущности истины ‘Али, и никто из пророков не является местом проявления совокупного имени «Бог» и самостоятельным местом проявления имени «Бог».

* * *

Шейх имеет в виду тварную объективацию печати пророков и печати святых в аспекте бытия внутренней сущности и истины присутствия Мухаммада и ‘Али пресвятым истечением и обладания ими стоянкой «или ближе», ступенью пресовершенства и [знанием] седьмого уровня смыслов Корана. В свою очередь, под истиной пыли (*хабā’*), также упомянутой им, подразумевается святое истечение, та же Мухаммадова истина, но в нисходящей дуге. В восходящей же дуге их господь есть господь пресвятого истечения и первой объективации, в которую включают также истину Мухаммада и ‘Али. Иисус же находится на ступени духа, и пребывание на стоянке дифференцированного единства и второй объективации для него лишь [временное] состояние, а не [постоянная] стоянка, тогда как истина печати пророков и печати святых осуществлена не только на стоянке недифференцированного единства, но и на стоянке дифференцированного единства посредством целокупного совокупного имени, не как состояние, а как стоянка.

Следовательно, согласно ясному указанию шейха в «Мекканских откровениях», повелителем единяющих и святых является ‘Али бен Абу Талиб. По своему чину, а также согласно ясному указанию шейха, неограниченной печатью [Мухаммадовых] святых является имам Мухаммад Мехди, и, поскольку область его святости шире, чем область печати общей святости, которой является Иисус, то волей-неволей истинной печатью стоянки тайны и внутренней сущности Иисуса является воплощение печати Мухаммадовой святости, то есть Мехди.

Величайший шейх в «Мекканских откровениях» говорит: «Когда Иисус спустится с неба в конце времен, он почетно вручит печать великой святости, [простирающейся] от Адама до последнего пророка, Мухаммаду, так как Бог не запечатывает общую святость ни в одной общине иначе, как посланником, который следует ему (Мухаммаду. — *Пер.*), и поэтому ему принадлежит печать области царства и печать общей святости, и, следовательно, он является одной из печатей в мире...»¹².

Из приведенной выше цитаты следует, что Иисус является печатью общего пророчества, унаследованного от пророков, существовавших до него. Если Ибн ал-‘Араби иногда называет его печатью неограниченной святости, то под неограниченностью (*итлā’к*) он имеет в виду всеобщность (*‘умūм*). Печатью неограниченной святости является один из рода Мухаммада. Первым из людей дома Пророка является ‘Али, который является печатью неограниченной Мухаммадовой святости по своему чину, тогда как господин приказания и времени [Мехди] является печатью с точки зрения времени.

¹² *Ибн ал-‘Араби*. Ал-Футūхāt ал-маккиййа, т. 3, гл. 6, с. 514–515.

Чтобы не оставить места для сомнений, шейх, рассматривая печать святости, унаследованной от обладателя завершающей стоянки, пишет:

«Однако печать мухаммадовой святости является особой печатью¹³ святости внешней Мухаммадовой общины, и определяющему воздействию его завершения подчиняются Иисус и другие пророки (например, Илия и Хидр, и всякий пророк этой внешней общины). И хотя Иисус [сам] является печатью, однако он запечатан этой Мухаммадовой печатью, и я узнал предание этой Мухаммадовой печати в Магрибе, в городе Фес, в 594 году хиджры. Истинный поведал мне о нем и сообщил мне его приметы...»¹⁴

В особой главе, посвященной роду дома Пророка¹⁵, разбирая признаваемый как шиитами, так и суннитами хадис «Люди моего дома есть защита для обитателей земли» и поясняя, что под «людьми дома» имеется в виду семья Мухаммада, Ибн ал-'Араби говорит: «Люди дома были защитой для жен Пророка от возникновения раздора, который постыден для людей дома...». Он хочет сказать, что люди дома¹⁶ есть одна душа и один дух во многих телах и все, что затрагивает одного из этих великих, распространяется на всех них. Так как особь Пророка принадлежит к людям дома, в этой главе шейх поясняет, что в благородном стихе «чтобы Бог простил тебе

¹³ Святость печатей Мухаммадовой святости иногда называют простой (*уммиййа*) святостью. Сеййид Хейдар Амули был одним из ученейших толкователей «Гемм», однако, подобно другим позднейшим толкователям, не обладал яркими взглядами и силой самостоятельного суждения. Поэтому он оказался не в состоянии установить путем анализа совокупности воззрений Ибн ал-'Араби, что под печатью святых, с точки зрения чина, шейх имеет в виду 'Али, а под печатью особой Мухаммадовой святости, с точки зрения времени, — ожидаемого Мехди. В итоге он вступил в спор с шейхом. Если бы он знал о приведенных нами выше словах шейха из «Мекканских откровений», то понял бы, что печать Мухаммадова наследства, то есть неограниченной святости, несомненно, стоит на две ступени выше Иисуса — ведь ступень Иисуса есть стоянка духа, ибо он является «духом от Него» (58:22). Ага Мухаммад Реза Кумша'и, принадлежащий к числу лучших толкователей «Гемм», без труда доказывает истинный смысл слов шейха, не прибегая к аллегорическому толкованию, и заключает, что шейх с точки зрения святости подчиняется неограниченному святому — обладателю алийской и мехдийской святости, ибо его собственная святость ограничена и опосредована, о чем он сам заявляет во вступлении «Гемм». Кроме того, ожидаемый Мехди назначен наместником без посредника в форме мухаммадова света и духа.

¹⁴ *Ибн ал-'Араби*. Ал-Футүхāt ал-маккиййа, т. 2, с. 49. Ибн ал-'Араби — один из тех, кого Бог не только сделал местом свидетельствования внутренних самораскрытий печати святых, но и удостоил посещением внешней формы и красоты киблы святых. Сам шейх считал это особым подарком. Внутренним же источником и местом свидетельствования его познаний является истина людей дома.

¹⁵ *Ибн ал-'Араби*. Ал-Футүхāt ал-маккиййа, т. 2, с. 26.

¹⁶ Под «людьми дома» шейх и другие достигшие стоянки истины и несомненного знания имеют в виду его чистых близких (*'итрат-и тәхирә*), а не жен Пророка.

твои грехи, прежние и будущие» (48:2) имеются в виду в том числе и люди дома.

Далее Ибн ал-‘Араби говорит: «Подобным образом, люди дома также являются защитой для общины Мухаммада от вечного пребывания в огне, ибо, если бы Мухаммадова община осталась вечно в огне, то это навлекло бы позор и порицание на чин Пророка. Следовательно, ни один из числа единяющих, к которым Бог отправил Своего посланника, не останется в огне навечно. Но если хотя бы один из них останется в огне, то в конце концов он станет для него „прохладой и спокойствием“ (21:69) из-за благодати людей дома — и нет такой благодати, которая превосходила бы благодать людей дома».

Тем самым шейх дает понять, что превращение недостатка в совершенство есть один из смыслов заступничества. Заступничество в его полноте дано только людям дома, и данная им самостная чистота не распространяется ни на кого другого. Следовательно, между солнечной Мухаммадовой святостью и святостью Мухаммадовых святых, с одной стороны, и звездной святостью, данной общине Мухаммада, то есть последователям его и людей его дома, то есть его семьи — с другой, есть существенная разница.

Слово «подчинение» (*таслим*), встречающееся в начале «Гемм», имеет именно этот смысл: «Подчинение Мухаммаду и его роду есть посылание приветствий, с призыванием мира от Бога, и это — особое воздействие с присутствия имени „мир“ (*салам*), заключающееся в подчинении им истин совершенства и даровании им здоровья посредством могущественных светов самораскрытий величия и сохранении их от совершения ошибок».

Естественно, место проявления этого целокупного имени в мире свидетельствования проявляется в виде формы целокупного наместничества и всеохватывающего предстояния, а в следующем устройении — как целокупное заступничество, и ему присуще совершеннейшее равновесие, и Истинный сохраняет его от любых отклонений в поступках, словах и мыслях. Целокупное место проявления величайшего имени, одним из сопутствующих которого является имя «мир», обладает извечной святостью и от его самости получают помощь все сущие.

Разъяснение особого Мухаммадова наследства

Божий наместник, унаследовавший знание, состояние и стоянку, бывает либо Мухаммадовым (таковым в каждую эпоху является лишь один индивидуум), либо не Мухаммадовым (каковыми являются наследники Моисея, Иисуса, Авраама и других совершенных пророков).

Святой, унаследовавший знания, стоянки и состояния, относящиеся к стоянке совокупного недифференцированного единства, получает [пользу]

от Бога посредством световой Мухаммадовой формы. Обладатель этой стоянки является Божьим наместником без посредника и ему принадлежит достохвальная стоянка. Поэтому обладатель высшей стоянки соизволил сказать: «Воистину, у Бога есть наместник, который наполнит землю справедливостью и правосудием... и у него — достохвальная стоянка». Такой совершенный совершенствующий (*к̄āmil muḥammil*) вправе сказать: «Я был святым тогда, когда Адам пребывал между водой и глиной».

Возможно, многие останутся глухими к этим словам, однако «слово обращено к обладателям сердца», «не всякое тугое ухо поймет смысл сказанного».

Ученики Ибн ал-‘Араби по-разному интерпретировали его воззрения и написали о нем много противоречивого. Как можно заключить, они не имели в своем распоряжении рукописи¹⁷ «Мекканских откровений»¹⁸. Сам же шейх недвусмысленно дал понять, что ни Иисус, ни, естественно, он сам не является печатью неограниченной святости. Вопреки этому, некоторые из позднейших утверждали, что Иисус является обладателем великой святости, ‘Али — обладателем малой святости, а Мехди — печатью ограниченной Мухаммадовой святости.

¹⁷ Т.е. полного текста. — *Пер.*

¹⁸ Джанди, Кайсари и Джамии не имели доступа к полному тексту «Мекканских откровений». Если бы эти толкователи своими глазами прочитали приведенный нами отрывок и увидели, что шейх ясно дал понять, что Иисус — запечатанный (*махтум*) печатью (*х̄ātim*) наследника мухаммадовой святости — то есть того самого человека, с которым Бог его свел в Фесе, в Магрибе, и знак, свидетельствующий о бытии, которым печатью Он явил ему, то они волей-неволей упомянули бы об истинных воззрениях шейха и не толковали бы его слова так противоречиво, и не проявляли бы такого пристрастия. Следовательно, слова шейха в «Геммах» о том, что все пророки — даже печать пророков, в подразумеваемом шейхом смысле, — на стоянке получения знания для своих законов получали пользу от стоянки его целокупной святости, следует понимать в том же смысле, как и его слова о том, что, подобно тому, как ‘Али является предстоятелем мира и предводителем пророков и святых, он также является печатью особой мухаммадовой святости и главой пророков. Все пророки суть сияния печати святости Мехди, прозываемого Мухаммадом — и все они, в том числе Иисус, Абу л-‘Аббас, Хизр и все «замененные» (*абдāи*) и знающие, запечатаны печатью Мехди. Поэтому шейх называет Мехди «предстоятелем миров» и в особой главе, посвященной Мехди и его помощникам, сообщает, что у того есть семь отличительных черт, которые присущи только ему, но никому другому из святых. «Я рад его словам; как прекрасен он сам и его слова!» Покойный Ага Мухаммад Реза также не видел этот отрывок «Мекканских откровений». Кроме того, много раз страх перед окружающей их средой и обвинением в ереси не позволял толкователям «Гемм» признать, что этот святой, распоряжающийся как во внешнем, так и во внутреннем, должен принадлежать к роду Пророка. Мы знаем, что перевернуть эту истину тем, кто погружен в иллюзорные представления и полагает, что необходимо следовать благочестивым предшественникам, утверждавшим, что халифов следует предпочитать друг другу согласно порядку их наместничества (таким образом, что Абу Бакр предпочтительнее ‘Умара, второй предпочтительнее третьего — хотя некоторые, не до конца обнаглевшие, полагали, что ‘Али следует предпочесть ‘Усману), трудно.

Газали считал атрибуты чем-то добавленным к самости, полагая, что это мнение благочестивых предшественников, как будто люди дома Пророка не относятся к их числу.

Некоторые говорят: «Иисус является печатью неограниченной святости и обладателем великой святости. Мехди, именуемый Мухаммадом, является малой печатью. Сам Ибн ал-‘Араби, который обладает только святостью смысла (*валāйат-и ма‘нави*) и распоряжением во внутреннем, не сочетая форму со смыслом, является самой меньшей печатью. При этом следует учесть, что его святость есть простая Мухаммадова святость, и святой, обладающий таким атрибутом, может существовать в общине Мухаммада, но не в его роду».

Как уже говорилось выше, согласно ясному указанию шейха, ‘Али является печатью неограниченной святости с точки зрения чина, а ожидаемый Мехди (который поистине есть печать, тогда как Иисус есть запечатанный) также обладает неограниченной святостью. В особой главе, посвященной обладателю приказания, шейх утверждает, что святость Мехди неограниченна, ибо Посланник Божий сказал о нем: «Воистину, у Бога есть наместник...»

Те, которые высказывались по этому вопросу, оказались отнюдь не беспристрастными. Если сам шейх в «Мекканских откровениях» называет ‘Али предстоятелем мира, ближайшим из людей к Посланнику Бога и тайной пророков и ясно заявляет, что Иисус «запечатан этой мухаммадовой печатью», его последователи не должны быть столь пристрастными.

Иисус является печатью общей святости, то есть святости, унаследованной от бывших до него пророков. После завершения его эпохи наступает черед неограниченной Мухаммадовой святости. По мнению шейха, он сам является печатью особой святости Мухаммадовой общины (под «общиной» имеются в виду святые, не принадлежащие к роду Мухаммада, но унаследовавшие особую Мухаммадову стоянку).

Нет оснований утверждать, что святость есть исключительный удел имамов. Однако есть основание утверждать, что наместники Бога являются наследниками стоянки, состояния и знания обладателя наивысшей стоянки и неограниченной святости и что их святость в известном смысле ограничена.

Согласно некоторым преданиям, дверью общины Мухаммада являются святые, чья святость зиждется на пророках, бывших до обладателя наивысшей стоянки. Поэтому говорится: такой-то святой стоит на стоянке Иисуса, такой-то — на стоянке Авраама, Моисея, Исаака или Иова. Разъяснение этого вопроса потребовало бы много места и времени, и в этой краткой статье мы сосредоточились на том, о чем было сказано выше.

В заключение скажу: неограниченная святость Пророка, ‘Али, Бакира, Резы, Мехди и других шиитских имамов есть святость дарованная, и различные аспекты и сопутствующие элементы их святости, как-то их самостная чистота и непогрешимость в знании, состояниях, стоянках, словах и поступках, также дарованы, а не стяжены. Тот, кто полагает, что эти стоян-

ки возможно стяжать, ничего не знает об истине пророчества, внутренней сущью которой является святость. В святости тех, кто обладает простой святостью, присутствует элемент стяжания, однако, после того как они «исчезнут» в самораскрытии божественных действий, дело переходит в руки Дарителя форм.

Подробный разбор этого вопроса и устранение возможных сомнений опять-таки потребовал бы больше места и времени, чем мы можем здесь себе позволить.

Однако следует упомянуть об одном важном моменте: всякий должен знать, что постичь суть единения, пророчества, святости и аспекты и ступени вышеупомянутого, согласно тому, как их постигают люди дома, возможно только путем усвоения основ и положений, содержащихся в словах гностиков. Когда дело касается постижения основ единения, пророчества и особой Мухаммадовой святости, то совершенный и совершенствующий теоретический разум приходит в изумление — и что же тогда ожидать от измышлений мутакаллимов.

* * *

В своей трактовке проблемы имамата Ибн ал-‘Араби не принимает безоговорочно сторону шиитов. Однако множество достоверных преданий, передаваемых суннитскими авторитетами, и свидетельство и внутреннее раскрытие на ступени именных самораскрытий принудили его высказать важные мысли об имамате и о святости людей дома Пророка. Многие из изложенных им истин, кажется, должен был бы установить шиит-джа‘фарит.

В том, что касается внешней стороны ислама, Ибн ал-‘Араби предстает перед нами как ученый-ханафит. В основах же он — последователь толка ‘Али и Мехди. Поэтому в своем трактате «Скрытая тайна» (*ас-Сирр ал-мактӯм*) он говорит: «Святость — Мухаммадова по ее происхождению и ‘Алиева — по месту ее свидетельства».

Перевод с персидского Я. Эшотса